

Чэнь Шэннань,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: 727852429@qq.com

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ КНИГИ «САНЬ ЦЗЫ ЦЗИН» В XVIII ВЕКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В РОССИИ

Статья посвящена сравнению трёх русских переводов китайской книги «Сань цзы цзин». Это разные переводы одного текста, сделанные в разные периоды XVIII века: в Петровскую эпоху, 40-е годы и конце 70-х годов. Между ними существует много различий, которые отражают эволюцию переводческой практики в России в XVIII веке.

Ключевые слова: Сань цзы цзин, перевод, XVIII век.

В XVIII веке первые три места по количеству переводных произведений занимают переводы с французского, английского и немецкого языков. Поэтому, когда говорится о переводах XVIII века, речь идёт об изучении переводов с этих европейских языков. Переводы с китайского языка в это время уже появились, однако они практически не изучены. В 1715 г. была создана первая Российская духовная миссия в Пекине, после чего начались прямые контакты и культурный обмен между Россией и Китаем. В целях подготовки переводчиков вместе с каждой миссией в Китай направлялись ученики для изучения китайского языка. Последующие миссии продолжали изучать китайский язык и пропагандировать культуру Китая в России. Именно переводчики духовных миссий и создали первые русские переводы с китайского языка, в том числе и переводы книги «Сань цзы цзин».

«Сань цзы цзин» — это книга, которую китайские дети заучивали наизусть до ознакомления с более серьёзными и сложными произведениями в древнем Китае. В ней содержатся базовые знания о китайской истории, философии и культуре. Для «Сань цзы цзин» характерна трёхсловная структура, и по форме книга напоминает рифмованную и ритмизованную прозу, благодаря чему она была одним из первых учебников у приехавших в Китай иностранцев для овладения китайским языком. Члены Российской духовной миссии тоже учили китайский язык по этой книге и несколько раз

перевели её на русский язык. Нами выявлено три русских перевода «Сань цзы цзин», сделанных в XVIII веке:

1. Анонимная рукопись под названием «Сань дзы гинь, или нравоучительных речей трисловная книга» (БАН 17.5.22).

2. Рукопись с подписью Иллариона Каленовича Россохина «Китайская книга Сан дзы гин, то есть трисловное нравоучение, содержащее в себе краткую историю» (БАН. 17.16.19).

3. Перевод Алексея Леонтьевича Леонтьева «Сань Дзы Гинь. То есть книга троесловная». Этот перевод был опубликован в 1779 г. в Санкт-Петербурге.

Результаты нашего исследования показали, что первый перевод, анонимный, мог быть создан в Петровскую эпоху кем-то из участников 1-й миссии [Чэнь, 2019, в печати]. Второй перевод сделан И.К. Россохиным (1717–1761), учеником второй Российской духовной миссии в Пекине. Россохин родился в селе Хилок Селенгинского уезда Иркутской губернии в 1717 г. С 1725 г. учился в школе Мунгальского (монгольского) языка при Иркутском Вознесенском монастыре. В 1728 г. он был принят во вторую Российскую духовную миссию и отправлен в Пекин, в 1729–1741 гг. там учил китайский и маньчжурский языки. Вернувшись на Родину в 1741 г., он был направлен Коллегией иностранных дел в распоряжение Академии наук «для переводов и для обучения китайского и маньчжурского языков» [Скачков, 1977, 41–43]. Третий перевод был выполнен А.Л. Леонтьевым (1716–1786), учеником третьей Российской духовной миссии в Пекине. Он родился в Москве, учился в Славяно-греко-латинской академии, а с 1739 г. изучал китайский и маньчжурский языки в школе Чжоу Гэ. В 1742 г. он был отправлен в Пекин, где жил и учился до 1756 г. После возвращения на Родину Леонтьев был назначен переводчиком Коллегии иностранных дел¹. Его перевод был издан в 1779 г. Императорской Академией Наук в составе книги «Букварь китайской, состоящей изъ двухъ китайскихъ книжекъ, служить у китайцевъ для начального обучения малолетнихъ детей основаниємъ».

В Архиве внешней политики России (Москва) хранится рукопись перевода Леонтьева — «Переведённые надворным советником Леонтьевым две китайские книги: 1. Мин-сянь-дзи, т.е. «Речи славных мужей». 2. Сань-дзы-гин, т.е. «Книга троесловная», служащая для первоначального обучения детей, и присланные Леонтьеву бригадиром Александром Андреевичем Безбородко» (АВПР, ф. 347,

¹ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К — П / ред. А.М. Панченко. СПб.: Наука, 1999. С. 204–205.

II — 26, 1779, № 1). Рукопись состоит из 30 листов. На первом листе рукописи написано «Перевод с китайской печатной тетратии, коя у китайцев служит для начального обучения малолетних детей вторюю книжкою и коя содержит пословицы и писана стихами, четырёхсловными, пятисловными, шестисловными и семисловными. Прислана она к надворному советнику Леонтьеву из Сарского села от его высокородия господина бригадира Александра Андреевича Безбородки 10 августа 1779 года». В связи с этим Букварь можно датировать 1779 г.

Перед нами три перевода, выполненные в разные периоды XVIII века: в Петровское время, в 40-е и в конце 70-х гг. По времени они соответствуют трём периодам развития перевода в XVIII веке, условно выделяемым в «Истории русской переводной художественной литературы»: эпоха Петра I, «Эпоха от Петра I до Екатерины II», т.е. с 1725 по 1762 г. и период с начала 1760-х до середины 1780-х гг. [Левин, 1996: 8].

Различие между тремя переводами прежде всего заключается в структуре текста и обусловлено разными задачами, которые ставили перед собой переводчики. В рукописи Россохина текст представлен на трёх языках: здесь наряду с русским переводом даны и оригинал на китайском языке, и его маньчжурский перевод. Строки в текстах на китайском и маньчжурском языках пронумерованы, русский перевод представлен в прозе, ритмическая структура оригинала в нём не передаётся. В рукописи Россохина на листах 1–14 рядом с маньчжурскими буквами и китайскими иероглифами даётся ещё их транскрипция русскими буквами, например, *人* *жинь* «человек», *初* *чу* «начало» (курсив мой — *Ш.Ч.*) и др. Кроме того, в рукописи Россохина, в разделе об истории Китая на левом поле страницы даются примечания с помощью знаков «#» и «*», поставленных над словами в основном тексте. В примечаниях указаны годы исторического периода или события [Чэнь, 2019, в печати].

Всё это обусловлено педагогической задачей рукописи. Известно, что в 1741–1751 гг. работала школа китайского и маньчжурского языков при Академии наук, где Россохин обучал четырёх учеников. В процессе обучения Россохин следовал традиционным методам первоначального образования в древнем Китае, т.е. требовал от учеников заучивать наизусть «Сань цзы цзин», «Цянь цзы вэнь» и другие произведения [Скачков, 1977: 44]. Россохин использовал свои переводы при преподавании, один из которых был «Сань цзы цзин». Трёхязычная структура, транскрипция и примечания в тексте, несомненно, были полезны для быстрого восприятия этих языков. Такая структура свойственна не только «Сань цзы цзин»,

но и другим рукописям, которые он использовал для преподавания языков, например, «О дватцати четырёхъ пунктахъ, касающихся дородительского почтения» (Архив РАН. Разр. II, оп. 1, № 116), «Школьные простыя маньчжурского и китайского языков разговоры» (БАН.32.6.17).

В отличие от рукописи Россохина, в остальных двух переводах имеется только текст на русском языке, который, как и текст оригинала, тоже разделён на строки. Транскрипция китайских иероглифов русскими буквами отсутствует в этих двух переводах. Примечания не имеются в Петровском переводе, но встречаются в переводе Леонтьева. В тексте Леонтьева примечания пронумерованы арабскими цифрами и даются в форме сносок внизу страницы. Их всего 17. В отличие от Россохина, примечания в переводе Леонтьева не посвящены уточнению времени, а сделаны в основном для объяснения названия исторических лиц. Например:

*По сему, мать древняго Мындзыя (1),
Старалася иметь соседей избранныхъ.*

Примечания внизу страницы: *Мындзы: славной филозовъ, бывшей после Кофуциуса не по многому времени* (курсив мой — Ш.Ч.).

О Петровском переводе осталось очень мало сведений, поэтому использовался ли он для преподавания языков, нам не известно. Однако, в нём представлен построчный перевод без всяких примечаний и объяснений. Такой перевод иногда препятствует восприятию текста, потому что в нём содержится много китайских реалий, которые остались бы непонятными без объяснений. Приведем пример двух строк из Петровского перевода: «Храбрствовали пять ба, а потомъ восстало семь мужественныхъ воиновъ». Это перевод «五霸强, 七雄出» (курсив мой — Ш.Ч.), которые означают, что «в период Чуньцю появились пять князей-гегемонов, а в период Чжаньго встали семь сильнейших царств» (перевод мой — Ш.Ч.). В Петровском переводе слово «霸» со значением «князя-гегемона» передано транскрипцией «ба» без дополнительного объяснения и в результате перевод стал непонятным.

Что касается перевода Леонтьева, то известно, что с 1763 г. работала школа китайского и маньчжурского языков под руководством Леонтьева. В школе он обучал четырех учеников: Антона Иванова, Михаила Антипова, Якова Коркина и Якова Полянского. Сведений о том, сколько времени просуществовала школа Леонтьева, не сохранилось. Но Антипов в 1765 г. был отправлен на границу с Китаем, Иванов перешёл в «приказные служители», Коркин в 1768 г. был включён в состав шестой духовной миссии и отправлен в Пекин.

Неизвестна только судьба Полянского. Можно предположить, что обучение в школе Леонтьева закончилось к концу 1760-х гг. [Скачков, 1977, 69–71]. Однако, как было сказано выше, перевод Леонтьева датирован 1779 г., когда школа уже перестала действовать. Поэтому изданный Леонтьевым перевод, который вышел намного позже времени работы школы, вряд ли был сделан с целью обучения языкам. Сноски в тексте скорее всего сделаны для обеспечения лучшего понимания текста.

Приведем ещё один фрагмент текста в трёх переводах:

Текст оригинала:

子不学, 非所宜, 幼不学, 老何为

Петровский перевод:

Асыну ежели неучитися

Него есть должность

Будеже въюность необучился

То встарости никчему негодится

Перевод Россохина:

Но то противно всему естественному праву, ежели дети отъ учения отставать будутъ. Ибо кто въ юности не обучится, тотъ въ старости никчему годенъ не бываетъ.

Перевод Леонтьева:

Дѣтямъ не обучающимся,

Жизнь слѣдуетъ не милая.

Кто не обучался въ своей юности,

Того старость будетъ негодна (курсив мой — Ш.Ч.).

В трёх переводах отражено изменение переводческой практики в рассмотренные периоды. «Эпоха Петра I» охватывает первую четверть века. К этой поре относится и возникновение литературного русского языка нового типа. Если до реформ Петра I доминировала церковнославянская традиция, которая придерживалась пословного принципа перевода, то после них в России постепенно отходили от этой традиции, примыкая к западноевропейской. Сам Петр I требовал, чтобы переводили «внятно и хорошим штилем». Увеличение переводных светских произведений, и прежде всего нехудожественных, порождало новые принципы перевода, по которым перевод должен был понятен любому человеку [Алексеева, 2012: 87–93].

Однако это был длительный процесс, результаты которого стали заметны только в последующие периоды. В рукописной книжности

Петровского времени старая традиция всё ещё доминировала. Если слово в слово, приведённая строфа означает, «(если) сын не учится, (то он) ни к чему не (будет) пригоден, (если человек) в молодости не учится, (то он) в старости чем (будет) заниматься» (перевод мой — *III. Ч.*). Первый перевод выполнен по пословному принципу, следуя церковнославянской традиции. В нём также видна попытка переводчика сохранить трёхсловную структуру текста оригинала, несмотря на то, что результат не всегда был удачен и приходилось добавлять для понятности некоторые слова. Это объясняется тем, что в тексте оригинала содержится очень богатая информация о китайской культуре и её требовалось адаптировать для русского читателя.

«Эпоха от Петра I до Екатерины II», т. е. с 1725 по 1762 г., — это время, когда в России постепенно складывалась светская культура европейского типа и в литературе утверждались принципы классицизма. К середине XVIII века резко возросло количество переводов художественных произведений, каких было очень мало в первые три десятилетия века. Кроме того, в XVIII веке изменились подходы к процессу обучению. В первую четверть века были созданы первые светские школы для подготовки специалистов разных областей. В рассматриваемый период сеть образования продолжала расширяться. В 1726 г. была открыта Академия наук, при которой работали академический университет и гимназия. Таким образом, Академия наук объединила в себе функции научного исследования и обучения. На данном фоне для этого периода характерно предпочтительное внимание переводчиков к смыслу, а не к форме переводимого текста [Левин, 1996: 103–121].

Созданная в этот период рукопись Россохина представляет собой перевод и преследует одновременно с этим педагогическую задачу. С точки зрения техники перевода он совпадает с общей тенденцией этого периода. Перевод выполнен не пословно и не по строкам, а по строфам. Уделяется больше внимания передаче смысла, чем формы. Внутри строфы в целях лучшей передачи смысла Россохин мог изменить порядок строк или объединить несколько в одну. Перевод снабжен большим количеством объяснений и даже примечаний [Чэнь, 2019, в печати]. Такой перевод соответствует педагогической задаче — простым русским языком объяснить ученикам содержание текста.

В третий период, с начала 1760-х до середины 1780-х гг., складывается русское Просвещение как широкое и идейно зрелое движение. В русской литературе происходили сдвиги в связи с кризисом классицизма, который выразился прежде всего в перерас-

пределении «ролей» в системе жанров. В рассматриваемый период жанровый репертуар значительно расширился. Изменился вкус читателя, увеличился интерес к тем жанровым формам, которые позволяли гармонично соединять приятное с полезным. Одними из таких жанровых форм были художественная проза и басня. Соответственно изменилась и переводческая мысль. Количество стихотворных переводов в этот период очень невелико и сильно уступает по объёму переводам прозы и басен, некоторые стихи даже переведены прозой [Левин, 1996: 122–139]. В этот период и появился перевод Леонтьева.

Стоит обратить внимание на то, что ни в Петровском, ни в переводе Россохина не было упомянуто, в каком жанре написана книга «Сань цзы цзин». В отличие от своих предшественников Леонтьев имеет чёткое представление о жанре текста. Он определяет исходный текст как «стихи», что доказывается названием перевода — «Стихи троесловные». В рассматриваемый период после реформы Тредиаковского и Ломоносова в России начала доминировать силлабо-тоническая система стихосложения, для которой характерно обязательное замыкание равносложных строк рифмой и определённое размещение ударения [Гаспаров, 2000, 22–24]. Тем не менее, перевод Леонтьева нельзя назвать настоящими «стихами», потому что строки в нём не рифмованы, и не соблюдается какое-либо правило метрики и ритмики. Леонтьев, как его современники, перевел не стихами, хотя оформлял текст в виде двустишия, т. е. графически разделял его на строфы по две строки.

В большинстве случаев Леонтьев переводил построчно, но главной его задачей было обеспечить правильное и легкое восприятие текста читателем. Когда построчный перевод мешал восприятию смысла текста оригинала, Леонтьев вносил редактуру, например:

Текст оригинала:

号六经, 当讲求, 诗书易, 礼春秋

Петровский перевод:

Которые же шесть гинъ книги

Подобаетъ съвыраженіемъ толковал

Суть же шигин шугин игинъ

Лидзи и чунъциу книги

Перевод Россохина:

Онѣя книги надлежитъ разсматривать съ весма яснымъ истолкованіемъ. А имянно, называются они ши гинъ, шу гинъ, и гинъ, лиги, чунъциу

Перевод Леонтьева:

*Пять Гинъ называются такъ,
Ши Гинъ, Шу Гинъ, и Гинъ,
Лиги, Чунъ Цю,*

Оныя понимать онъ можетъ раченіемъ великимъ (курсив мой — Ш. Ч.).

В этом примере приведены 4 строки из изучаемых переводов. Здесь перечислены канонические книги, которые необходимо изучать с особым вниманием. В Петровском переводе и переводе Россохина эти строки переведены по порядку в исходном тексте: сначала названо общее название книг и отмечено, как их нужно изучать, а затем перечислены входящие книги. Леонтьев, однако, изменил их последовательность, сначала переведя первую, третью и четвертую строки, а в конце — вторую. Он назвал общее название и указал, какие книги входят в эту группу, затем указал, как их изучать. Таким образом, четыре строки стали теснее связаны между собой в смысловом отношении и перевод стал привычнее и понятнее читателям. Кроме того, в исходном тексте представлено слово 六经 (Лю Цзин, то есть «Шесть канонов») (перевод мой — Ш. Ч.), которое включает в себя шесть классических книг). Одна из этих книг утрачена и сохранилось лишь пять из них. В исходном тексте после слова 六经 перечислено 5 сохранившихся книг. В Петровском переводе и переводе Россохина строго передана цифра исходного текста «шесть» — названо «Шесть Гинъ», а перечислено лишь 5. Леонтьев перевел на «Пять Гинъ» в соответствии с реальным количеством перечисленных книг.

Кроме того, Леонтьев обращал больше внимания на эстетику языка переводного текста. Одним из доказательств этого является применение Леонтьевым стилистических средств. Эти средства не использованы в двух других сравниваемых текстах. Например,

Текст оригинала:

尔男子, 当自警

Петровский перевод:

Вы же суть мужие

Самимъ поощрение имѣтъ надлѣжитъ

Перевод Россохина:

А понеже вы складъ мужеской, то надлежитъ вамъ смотря на нихъ побуждать себя къ дальней ревности.

Перевод Леонтьева:

То слушайте вы отрочати,

Возможно ли вамъ примѣняя ихъ къ себѣ, не содрагаться? (курсив мой — Ш.Ч.).

Приведённые две строки «尔男子, 当自警» означают «вы мужчины, (увидев таких способных девиц) должны быть бдительны» (перевод мой — Ш.Ч.). Леонтьев перевёл их риторическим вопросом, с помощью чего усилилась выразительность и подчёркнут воспитательный характер этих строк.

Интересен также перевод слова 臣 (чиновник, министр, поданный, подчиненный государя) (перевод мой — Ш.Ч.) у Леонтьева. В Петровском переводе и переводе Россохина слово непосредственно переведено «министром» или «поданным», однако Леонтьев перевёл словом «раб». Ни в одном из словарей XVIII века не зафиксировано слово «раб» с подобным значением. Это приём иносказания для выражения абсолютной верности чиновников государю.

С середины XVIII в. одновременно идёт и другой процесс — стилистическая нормализация русского литературного языка нового типа. М.В. Ломоносовым была выдвинута теория трёх «штилей», и в соответствии с ней вся лексика разделена на высокую, среднюю и низкую, и выделяются три «штиля» — высокий, средний (посредственный) и низкий. По Ломоносову, средний стиль должен состоять из лексики русского языка, и в него можно с осторожностью принять некоторые «славянские» слова. Этим штилем следует писать театральные сочинения, стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги, элегии, а также использовать его в прозе для описания дел достопамятных и учений благородных [Ломоносов, 1952, 585–592].

Перевод Леонтьева можно отнести к среднему стилю, поскольку, во-первых, содержание «Сань цзы цзин» можно считать «благородными учениями», а во-вторых, кроме русских слов, которые доминируют в тексте перевода, в нём использованы и славянизмы. Славянизмы широко применяются в Петровском переводе, у Россохина их крайне мало. Обилие славянизмов в первом тексте понятно, потому что в Петровскую эпоху только началось формирование литературного русского языка нового типа, инерция в употреблении церковнославянизмов была ещё очень велика. Однако употребление славянизмов в переводе Леонтьева, который был сделан в 70-е годы XVIII века, выполняло иную функцию: они использовались для стилистической дифференциации текста. Рассмотрим их на всех уровнях языка.

1. На фонетическом уровне

В Петровском переводе встречаются неполногласные формы, как *всамои младость* (л. 4), *восемь гласов* (л. 8), *власами* (л. 22) и др. Они соответствуют следующим словам в переводе Россохина в полногласных формах: *в самых молодых летах и др., восемь голосов, волосы и пр.* Неполногласные формы у Леонтьева тоже широко применяются: «огнь», «древо», «злато» и др. Эти слова соответствуют полногласным формам в переводе Россохина — «огонь», «золото» и «металл» (курсив мой — Ш.Ч.).

2. На морфологическом уровне

В Петровском переводе использованы формы, которые считаются «признаками книжности» в Петровское время и постепенно устремились из языка, такие, как форма инфинитива на *-ти*, например, *неучитися, начинатися, обучатися, учитися* и др., аористы, например, *написася, приведе, нарече, начася, сетовах*, а также форма возвратных глаголов на *-ся*, например, *продолжалася*. В переводе Леонтьева не использованы аористы и инфинитивы на *-ти*, однако использована форма возвратных глаголов на *-ся*, например, *старалася, остались, явилася*, несмотря на то, что в «Российской грамматике» Ломоносова предусмотрена частица *-сь* для возвратных глаголов прошедшего времени жен. и ср. р. ед. числа, а также мн. числа, например, *двигалась, -лось, -лись* (курсив мой — Ш.Ч.) [Ломосов, 1755: 134]. Эти элементы полностью отсутствуют в переводе Россохина [Чэнь, 2019, в печати].

Кроме того, стоит обратить внимание на окончание прилагательных в рассматриваемых текстах. Это прежде всего прилагательные род. падежа, ед. числа, муж. рода. В переводе Россохина преобладают русские формы на *-ого/-его*, тогда как в Петровском переводе и переводе Леонтьева — церковнославянские формы на *-аго/-яго*. Что касается формы прилагательного им. и вин. мн. числа, то в 1733 г. было опубликовано новое правило орфографии, которое определило кодификацию форм прилагательных во мн. числе, и оно оставалось в силе вплоть до орфографической реформы 1917–1918 гг. По этому правилу флексии прилагательных в им. и вин. падежах мн. числа муж. рода были *-ые, -іе*, а у форм жен. и ср. рода — *-ыя, -ія* [Живов, 2004: 488–489]. Результаты сравнения показали, что в Петровском переводе представлены формы на *-ые/-ие* без родового различия, в переводе Россохина окончание зависит от рода прилагательного — флексии муж. рода в основном на *-ые/-ие*, а жен. и ср. рода — на *-ыя/-ия*. Однако в переводе Леон-

тьева, вопреки господствующего в то время правила, доминируют церковнославянские формы на *-ья/-ия* (курсив мой — *Ш. Ч.*) вне зависимости от рода прилагательного.

3. На лексическом уровне

В Петровском переводе много использовано слов, которые зафиксированы в словарях XVIII в. как славянизмы, такие как *древле*², *брашно*³, *лепоствуетъ*⁴, *петель*⁵, *аще*⁶ и др. Подобные слова хорошо представлены в переводе Леонтьева, например, *паче*⁷, *отринула*⁸, *низнадали*⁹, *отрочати*¹⁰, *бдитъ*¹¹ и др. (курсив мой — *Ш. Ч.*). Таких слов крайне мало в переводе Россохина [Чэнь, 2019, в печати].

Итак, мы рассмотрели три русских перевода китайской книги «Сань цзы цзин», сделанных в разные периоды XVIII века в контексте изменений переводческой традиции и эволюции переводческой мысли в XVIII веке. Для Петровского перевода характерно обилие церковнославянской лексики и пословный принцип перевода, тогда как Россохин осуществил перевод с историческим комментарием, сделал его простым русским языком и осознанно избежал славянизмов. Леонтьев, в отличие от своих предшественников, пытался сделать понятный и красивый перевод, используя разные стилистические средства и придавая тексту черты определённого стиля.

Список литературы

Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 6-е изд., стер. СПб.: Филфак СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2012. 368 с.

Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд. М.: Фортуна Лимитерд, 2000. 352 с.

Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004. 656 с.

² Сл. РЯ XVIII (вып. 6, с. 254–255) снабжает слово «древле» пометой Слав.

³ Сл. РЯ XVIII (вып. 2, с. 133–134) снабжает слово «брашно» пометой Слав.

⁴ Сл. РЯ XVIII (вып. 11, с. 154) снабжает слово «лепотствовать» пометой Слав.

⁵ Сл. РЯ XVIII (вып. 19, с. 186) снабжает слово «петел» пометой Слав.

⁶ Сл. РЯ XVIII (вып. 1, с. 120–121) снабжает слово «аще» пометой Слав.

⁷ Сл. РЯ XVIII (вып. 18, с. 249–250) снабжает слово «паче» пометой Слав.

⁸ Сл. РЯ XVIII (вып. 18, с. 84–86) снабжает слово «отринуть» пометой Слав.

⁹ Сл. РЯ XVIII (вып. 15, с. 150) снабжает слово «ниспадать» пометой Слав.

¹⁰ Сл. РЯ XVIII (вып. 18, с. 89–90) снабжает слово «отроча» пометой Слав.

¹¹ Сл. РЯ XVIII (вып. 1, с. 153–154) снабжает слово «бдеть» пометой Слав.

История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. Ред. Ю.Д. Левин. Т. 2. СПб.: Изд-во «Дмитрий Була-нин», 1996. 267 с.

Леонтьев А.Л. Букварь китайской, состоящей из двух китайских кни-жек. СПб.: Императорская академия наук, 1779. 49 с.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: Императорская акаде-мия наук, 1755. 210 с.

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по фило-логии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 503 с.

Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К — П, ред. А.М. Пан-ченко. СПб.: Наука, 1999. 510 с.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19, ред. Ю.С. Сорокина. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1984–1991. СПб.: Наука, 1992–2004. 224 с.

Чэнь Ш. О первом переводе книги «Сань цзы цзин» на русский язык // Вестник СПбГУ: Язык и литература. Санкт-Петербургский государствен-ный университет. 2019. Вып. 2. С. 320–332.

Chen Shengnan,

Postgraduate Student at Saint-Petersburg State University, Russia;
e-mail: 727852429@qq.com

RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE BOOK “SAN ZI JING” IN THE 18TH CENTURY AS A REFLECTION OF THE EVOLUTION OF TRANSLATION PRACTICE IN RUSSIA

The article is a comparison of three Russian translations of the Chinese book “San Zi Jing.” These are different translations of the same text made in different periods of the 18th century: the reign of Peter the Great, the 1740’s and the late 1770’s. There are many differences among them, and these differences reflect the evolution of translation practice in Russia in the 18th century.

Key words: San Zi Jing, translation, the eighteenth century.

References

Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. Obrazovaniya [Introduction to translation studies. Introduction to translation studies: textbook for students of higher professional education institutions]. 6-e izd., ster. St. Petersburg: Filfak SPbGU; Moscow: Izd. centr “Akademiya”, 2012. 368 p. (In Russian).

Chen S. O pervom perevode knigi "San zi jing" na russkii yazyk [On the first translation of *Sanzijing* into the Russian]. Vestnik SPbGU: Yazyk i literature. Sankt-Peterburgskiy universitet. 2019. Vyp. 2, pp. 320–332 (In Russian).

Gasparov M.L. Ocherk istorii russkogo stiha. Metrika. Ritmika. Rifma. Stro-fika [Essay on the history of Russian verse. Metrics. Rhythm. Rhyme. Stanza]. 2-e izd. Moscow: Fortuna Limiterd, 2000. 352 p. (In Russian).

Istoriya russkoi perevodnoi hedozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek [History of Russian translated literature]. Otv. red. Yu.D. Levin. V. 2. Saint-Petersburg: Izd-vo "Dmitrii Bulanin", 1996. 267 p. (In Russian).

Леонтьев А.Л. Букварь китайской, состоящей из двух китайских кни-жек. СПб.: Императорская академия наук, 1779. 49 с.

Leont'yev A.L. Burvar' kitaiskoi, sostoyaschei iz dvukh kitaiskikh knizhek [Chinese Primer, consisting of two Chinese books]. Saint-Petersburg: Impera-torskaya akademiya nauk, 1779. 49 p. (In Russian).

Lomonosov M. V. Rossiiskaya grammatika [Russian grammar]. Saint-Peters-burg: Imperatorskaya akademiya nauk, 1755. 210 p. (In Russian).

Lomonosov M. V. Polnoye sobraniye sochinenii. V. 7. Trudy po filologii 1739–1758 gg. [Full composition of writings. V. 7: Works on Philology, 1739–1758.]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952, pp. 585–592. (In Russian).

Skachkov P.Ye. Ocherki istorii russkogo kitayavedeniya [Essays on the history of Russian Sinology]. Moscow: Nauka, 1977. 503 p. (In Russian).

Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka [Dictionary of Russian writers of the XVIII century]. Vyp. 2. K — P, red. A. M. Panchenko. Saint-Petersburg: Nauka, 1999. 510 p. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of Russian language]. Vyp. 1–19, red. Yu.S. Sorokina. Leningrad: Nauka. Leningr. otd., 1984–1991. Saint-Petersburg: Nauka, 1992–2004. 224 p. (In Russian).

Zhivov V.M. Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on the historical morphology of the Russian language XVII–XVIII centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 2004. 656 p. (In Russian).